

ОГУГЛЕННОЕ ЗНАНИЕ: ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ПОВОРОТА

Альмира Усманова¹

(Без)надежность нового:
к вопросу об археологии цифрового знания

Е-эффект – так звучит тема специального номера журнала *Топос*, посвященного *дигитальному повороту* в социальных и гуманитарных науках. Центральным для этого тематического номера является вопрос о том, какие эпистемологические, теоретические, (инфра)структурные, полит-экономические эффекты произвели цифровые технологии в различных дисциплинарных полях и образовательных/исследовательских практиках.

Эпистемологические повороты, как правило, имеют онтологические основания: теоретическая оптика и новый концептуальный язык фиксируют те изменения, которые происходят в окружающей нас реальности. В отношении цифровой среды обитания это утверждение верно вдвойне. Между тем, привычно оперируя категориями *актуальности* и *новизны*, столь значимыми для академии, мы испытываем определенную неловкость, пытаясь применить их к осмыслению цифрового поворота. Насколько *новым* (и для кого) является характер произошедших изменений? Насколько *актуальной* можно считать попытку осмысления их последствий на страницах академического журнала, если эта тема давно и прочно утвердилась в повседневной и профессиональной коммуникации, а о последствиях и эффектах мы можем узнать в любом медиаресурсе, не говоря уж о Википедии?

О «новом» сегодня вообще говорить сложно, и без кавычек тут не обойтись. Принимая во внимание стремительное возрастание скорости технологических обновлений и масштаб увеличения объема информации, мы вынуждены признать, что временное измерение «новизны» исчисляется уже не годами и днями, а секундами. Мы живем в «другом порядке Времени»², но успевает ли академия адаптироваться к временному режиму постоянного обновления?³

¹ Альмира Усманова – кандидат философских наук, профессор Департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва).

² T. Garcia: Another Order of Time: Towards a Variable Intensity of Now, in *Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy*, 19 (2014), 1–13. Режим доступа: http://parrhesiajournal.org/parrhesia19/parrhesia19_garcia.pdf.

³ Пока исследователи вводили в понятие *новые медиа*, а преподаватели разрабатывали профильные курсы и образовательные

Умберто Эко в статье, посвященной университетам и медиа (перевод которой мы публикуем в этом номере), писал о том, что временная дистанция, разделяющая университеты и медиа, составляет примерно 20 лет⁴. Наверняка так оно и было на протяжении десятилетий. Но в электронных обстоятельствах вопрос о скорости доставки новостей из мира науки в медиа, равно как и о ролевой инверсии в этом взаимодействии, ставится иначе⁵. Если раньше знание создавалось только учеными, а сегодня генерируется медиа, то должны ли мы считать эту ротацию *новым вызовом* для университетов? Ведь о том, что такое Google, мы узнаем с помощью Google, а статью о Википедии можем прочитать в самой Википедии. Пока эти статьи пишут люди, а не роботы, но вовсе не обязательно, чтобы их авторы были дипломированными исследователями.

Необходимо признать, что медиа гораздо быстрее и в чем-то эффективнее справляются с осмыслением последствий дигитализации повседневной жизни, чем исследователи-гуманитарии, которые в силу самого характера своей деятельности (трансляция традиции, работа с текстами как с уникальными произведениями, интерпретация смыслов) нередко оказываются в роли догоняющих учеников технического прогресса. Однако критическое осмысление происходящего, контекстуальное насыщение, исследование археологии цифрового знания и генеалогии идей, которые подготовили коммуникативную революцию, – это та интеллектуальная работа, которую медиа и технические специалисты за нас не сделают.

С другой стороны, революционные изменения – это продукт длительного вызревания, что особенно верно в отношении научных открытий и эпистемологических поворотов: в истории науки революционные процессы нередко растягивались на десятилетия или даже века, становясь заметными лишь на большой исторической дистанции. Быть может, правы те, кто считает изобретение *книги* главной вехой в развитии способов производства знания, рассмотренных в масштабе большой исторической длительности?⁶ Так, Ян Красни – сербский теоретик, изучающий цифровую культуру, – полагает, что мистифицировать цифру не стоит, ибо современный мир не сильно отличается от того, что было «до», а цифровая революция все еще продолжается⁷.

программы, *новые медиа* перестали быть *новыми*.

⁴ У. Эко: Университет и массмедиа / Пер. Д. Петрины, 41–42.

⁵ Быть может, требование новизны, предъявляемое к диссертационным текстам в социальных и гуманитарных науках, следовало бы отменить по причине его уязвимости?

⁶ Умберто Эко предлагает прочитывать ВООК как аббревиатуру – *Built-In Orderly Knoweldge*. См.: У. Эко: Много ли мы изобретали? // У. Эко: *Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках*. СПб.: Симпозиум 2010, 115.

⁷ Демистификация цифры. Интервью с Яном Красни. Доступ по ссылке: http://cultlook.org/jk_demystification_digital.

В отношении нового знания и изменившихся практик возникает вопрос, с помощью каких теорий мы можем объяснить то, *чего раньше не было*? Новые технологии нуждаются в новой теории, но при этом *новое* в очередной раз оказывается хорошо забытым *старым*. И чем глубже мы погружаемся в историю идей, тем более исторически неизбежными и естественными оказываются те технологические изменения, которые мы воспринимаем как революционные. Вот и для объяснения цифровых мутаций востребованы не только те теории и подходы, что появились на пороге цифрового мира.

Актуальность особого рода обнаруживают идеи, которые разрабатывались, например, в рамках классической философии математики (мысль о том, что «двойка образует мир», была высказана еще Платоном). В современных дискуссиях об *обществе контроля* наиболее цитируемыми авторами остаются Мишель Фуко и Жиль Делез. Понятия *remediation* и *digitextuality* обязаны своим происхождением не только и не столько теоретикам *медиа*, сколько Юлии Кристевой, Жаку Деррида и другим постструктуралистам⁸. А в концепции *четвертой промышленной революции*, возможно, не обнаружится ничего радикально нового, если внимательно перечитать работы Карла Маркса.

Оглядываясь в недавнее прошлое, мы понимаем, что какие-то идеи пришли значительно раньше, чем мы были готовы их (вос)принять⁹. В начале 1990-х постсоветские гуманитарии с энтузиазмом осваивали постмодернистские тексты, применяя прочитанное к анализу и интерпретации литературных и кинематографических нарративов и тревожась лишь о том, что же будет дальше, после постмодернизма. При этом интерпретация постмодернизма с точки зрения культурной логики позднего капитализма, предложенная Фредриком Джеймисоном, осталась в тени более ранних и уже растиражированных концепций, которые операционализировали постмодернистскую чувствительность (будь то литературоведческая теория Ихаба Хассана или ее архитектурный аналог у Чарла Дженкинса).

Между тем уже в 1990-е нам следовало догадаться¹⁰ о том, что *гипертекст, палимпсест, диссеминация, симулякр, интертексту-*

⁸ A. Everette: Digitextuality and Click Theory. Theses on Convergence of Media in the Digital Age, in: A. Everett, J. Caldwell (eds.): *Theories and Practices of Digitextuality*, Routledge 2003, 5–7.

⁹ Пример генеалогии дигитального мышления см.: D. Tofts, A. Jonson, A. Cavallaro (eds.): *Prefiguring Cyberculture. An Intellectual History*, MIT Press 2002.

¹⁰ Впрочем, объяснить теоретическую близорукость можно не только тем, что тогда мы еще не были *цифровыми* (Лев Манович перефразирует тезис Бруно Латура “We have never been modern”. См.: Л. Манович: *Медиа после софты*, Пер. Е. Арье, О. Мороз. Режим доступа: http://cultlook.org/lm_media_after_software), но и сложившимся разделением интеллектуального труда. В 1970–1990-е *вопрос о технике* обсуждался преимущественно в рамках философии науки. Хотя семиотики и линг-

альность, «смерть автора», *ризом* – это концепты-симптомы, которые применимы к новой медиатизированной реальности в той же степени, что и к литературе. Это понимание пришло позже, по мере знакомства с идеями Жана Бодрийяра и Поля Вирильо. И именно постмодернистские теоретики заставили нас задуматься о том, в какой мере *новое* является *оригинальным*.

В академическом мире требования к оригинальности авторского текста постоянно возрастают, а с приходом новых технологий их соблюдение начали все более тщательно отслеживать. Однако специфика культурного производства в цифровую эпоху делает возможность оригинального высказывания если не призрачной, то проблематичной. В большинстве случаев мы имеем дело с коллективным анонимным *Автором*, и по этой причине сама идея авторства становится уязвимой. Копирование, репродуцирование и тиражирование уже известных приемов и сюжетов, первоначально отмеченных печатью авторства, превратились в доминирующий способ производства не только медийных, но и академических текстов. Культура, основанная на «творческом заимствовании», практики плагиата, дигитального пиратства, *репостинга* чужих мыслей в социальных сетях, культура римейков и ремиксов, фотожаб и мемов – всё это обесценило *самовитое слово*. Степень *оригинальности*, – что не тождественно *самостоятельности*, – в этих обстоятельствах установить крайне сложно, особенно в визуальных текстах, учитывая расширение комбинаторных возможностей, предоставляемых креативными платформами и графическими редакторами. Иначе говоря, в наши дни интертекстуальность – это не только категория литературоведческого анализа, легитимирующая механизмы неявного цитирования в культуре, но в некотором роде – ведущий принцип, лежащий в основе технологических решений. Литературная метафора конвертировалась в программный продукт, позволяющий генерировать тексты на основе глобального цифрового архива.

Итак, отдавая себе отчет в уязвимости самой категории *новизны*, мы, тем не менее, намерены обсудить, какие новые курсы, исследовательские объекты, концепты и методологии обрели академическую прописку благодаря *цифровому повороту*. Что же касается исторического долголетия академических текстов о новых технологиях, то в будущем, если этот номер журнала не затеряется на безграничных просторах цифровой вселенной, его читатели по крайней мере смогут узнать, что считалось *новым* или *актуальным* в 2017 году.

висты, занимавшиеся проблемами машинного перевода уже в 1950-е, возможно, сделали для цифрового прорыва гораздо больше, чем философы.

Дигитализация как императив

Вопрос о том, может ли гуманитарий уклониться от технологий, сегодня является риторическим. От научной проблематики, связанной с освоением и осмыслением дигитальной реальности, еще можно отстраниться. Можно корпеть над архивными манускриптами, используя компьютер как печатную машинку, можно читать книги и писать о том, что близко, но делать вид, что *nothing happens*, невозможно.

Во-первых, до неузнаваемости изменилась сама повседневность. Зажатые в тисках электронной коммуникации, мы уже не представляем, как жить без текстового редактора, Интернета, социальных сетей, Скайпа, мобильной фотографии и других подручных средств академической работы. Каждый, кто прошел цифровую социализацию уже во взрослом возрасте, мог бы рассказать проникновенную историю встречи с новыми технологиями, постепенного их освоения и осознания роли, которую они сыграли в его/ее профессиональном становлении и академической карьере. Наш номер не об этом, однако степень адаптации к цифровому технологическому ландшафту и поколенческий фактор имеют значение.

Во-вторых, в цифровую эпоху разделение на *участников* и *наблюдателей*¹¹ утрачивает силу, а *включенное наблюдение* приобретает новые смысловые оттенки. Эпистемологические преимущества и властная позиция *включенного* наблюдателя стираются в *культуре со-участия*: быть *включенным* означает быть видимым и готовым к интерпелляции со стороны самых разных акторов сетевой культуры. В этом смысле в прагматическом интересе к цифровым трансформациям, нашедшем отражение в названии нашего тематического номера, можно различить обертоны цифровой автоэтнографии. Стремясь осмыслить последствия цифрового поворота, мы пытаемся постичь логику происходящего с нами, а наш горизонт (не)знания определяется той диспозицией, которую мы сами занимаем в цифровом поле.

У исследований цифрового поворота уже есть своя История и даже свои классики. Проблема изучения роли информационных технологий в различных дисциплинарных полях привлекла к себе внимание исследователей еще в середине 1990-х гг., а к середине 2000-х не осталось ни одной области знания, где бы не была произведена предварительная работа по осмыслению е-эффектов. И каждый, кто за эту работу брался, пытался понять, что изменилось за непродолжительный, но стремительно насыщавшийся новыми технологиями (и текстами о них) период. Ориентироваться, однако, становится все сложнее, ибо количество текстов по цифровой про-

¹¹ «Наблюдатель спрашивает: что происходит и что еще может произойти? Участник спрашивает: что я должен делать? Должен ли я поддерживать взаимодействие? Должен ли я препятствовать ему? Или я могу просто забыть о нем?» См.: П. Фейерабенд: *Наука в свободном обществе*, М.: АСТ 2010, 25.

блематике уже не поддается исчислению. *Великим непрочтенным*¹² рискует оказаться все, что вовремя не «лайкнули»¹³. Но ни количество текстов, умножающих цифровое знание, ни их разнообразие не становятся препятствием на пути к пониманию тенденций, которые конфигурируют цифровое поле.

Пожалуй, главное изменение, которое принесли с собой цифровые технологии в интеллектуальную деятельность, состоит в том, что границы между двумя культурами – гуманитарной и технической – стали пластичными и проницаемыми, ибо в условиях всеобщей компьютеризации наметились и область общих интересов, и новые формы сотрудничества. Об этом наглядно свидетельствует появление таких кластерных понятий, как E-science, Social Computation, Digital Humanities, Cultural Analytics, в которых зафиксирован необратимый и тотальный характер цифровой перезагрузки научной работы в разных областях знания.

Так, *e-science* объединяет в себе три аспекта дигитализации науки: разработку специализированных программных средств, обеспечение доступа к базам данных и, наконец, использование технологических платформ для коммуникации и сотрудничества исследователей. Для англоязычных исследователей *e* означает больше, чем собственно *electronic*; *e* – это также *enhancement* (возрастание, увеличение, совершенствование)¹⁴, поскольку речь идет о непрерывном и постоянно нарастающем накоплении знания, аккумуляции данных, совершенствовании технологий. Обоснование и распространение концепции *e-science* было призвано содействовать интеграции ресурсов, притоку финансирования и созданию международной сети партнерских центров и лабораторий (например, Open Science Grid)¹⁵. Электронная наука скроена по мерке крупных научно-технических программ, возникла в их недрах и обнаруживает стратегические сходства с *большой наукой* прошлого века.

Социальная информатика (Social Computation) в значительной степени развивается силами айтишников, решающих традиционные для социальных наук задачи нетридиционными методами тематического моделирования и автоматического анализа семантики на основе больших данных, собираемых роботами в соцсетях.

Для гуманитариев и социальных исследователей ближе и важнее *цифровая гуманитаристика*. Еще недавно она воспринималась как

¹² Концепт, введенный и популяризированный Франко Моретти. См.: Ф. Моретти: *Дальнее чтение*, Пер. А. Вдовина, О. Сабчука, А. Шели, М.: Изд-во Института Гайдара 2016.

¹³ Для людей академического круга этот вопрос приобретает все более практическое значение по мере того, как индексы цитирования становятся показателем их профессиональной состоятельности.

¹⁴ P. Wouters: What is the matter with e-science: thinking aloud about informatisation in knowledge creation, in: *The Pantaneto Forum*, 23 July 2006. Режим доступа: <https://pure.knaw.nl/ws/files/489419/21643.pdf>.

¹⁵ См., например: N. Jankowski (ed.): *E-Research – Transformation in Scholarly Practice*, N.Y.: Routledge 2009.

вспомогательная область знания и вотчина гуманитарных наук. Но сегодня самые разные области социогуманитарных исследований – от археологии до музыковедения – сталкиваются с массивами цифровых и оцифрованных данных, объем которых все возрастает, и, значит, вопрос «*Что делать?*» стал актуальным для всех гуманитариев. Как отмечает Алексей Куприянов в статье, публикуемой в данном номере, при всем разнообразии подходов к определению содержания понятия *Digital Humanities*, специфика этого поля состоит в «особой природе данных и приемах работы с ними»¹⁶. Лев Манович подчеркивает, что цифровая гуманитаристика имеет дело с «количественным анализом коллекций оцифрованных объектов гуманитарных наук – культурных артефактов, созданных профессионалами прошлого [курсив мой. – А.У.], которые уже включены в каноны той или иной гуманитарной дисциплины»¹⁷.

Отмечая методологическую близость между *цифровой гуманитаристикой* и *культурной аналитикой*, Манович видит главное отличие между ними в том, что культурная аналитика интересуется как прошлым, так и настоящим, но на первый план здесь выходит цифровая культура, созданная миллионами непрофессионалов (см. статью Льва Мановича в переводе Андрея Возьянова в нашем номере¹⁸).

Очень возможно, что – как это было в случае с *новыми медиа* – гуманитарии сегодня находятся на пороге эпохи, когда объем понятий *цифровая гуманитаристика* и *гуманитарные науки* совпадают.

«Огугленное» знание и коллективная интеллектуальность

По-английски название этого текста звучало бы иначе: *e-Burned knowledge*, поскольку речь в нем идет об «обугленном» знании и об «обожженных» новыми технологиями гуманитариях, а также об истории стремительного устаревания/обновления способов производства, сохранения и распространения знания. Еще лет пятнадцать назад функция «сохранить» означала для пользователя сохранение созданного в памяти персонального компьютера, на дискете или лазерном диске (именно тогда *сохранить* превратилось в *выжечь*). Записанную таким образом информацию можно было, по аналогии с книгой, взять с собой, передать в другие руки, поставить на полку и т.д. Это было осязаемое знание, имеющее определенный *физический вес*, который в течение каких-то десяти лет не просто уменьшился (вследствие миниатюризации носителей), но улету-

¹⁶ А. Куприянов: От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки, 114.

¹⁷ Л. Манович: Что такое культурная аналитика? Пер. Е. Лапиной-Кратасюк // ШАГИ/STEPS 2/3 (2017), 12–13.

¹⁸ Л. Манович: Наука о культуре? Изучение больших культурных данных: социальная информатика, цифровая гуманитаристика, культурная аналитика, Пер. А. Возьянова, 82–83.

чился в буквальном смысле. Когда появились облачные сервисы, тогда знание начало «витать в воздухе»: устранение материальных носителей сделало его безграничным и потенциально доступным для всех. Итак, обугленное-огугленное знание – это метафора *другой* жизни, перехода знания в *качественно иное состояние*. При этом условия возможности превращения знания задаются параметрами его приращения – то есть количественными изменениями в объемах информационных потоков, создаваемых цифровым коллективным Разумом.

В какой мере верно утверждение Джимми Уэйлса, основателя Википедии, о том, что если нечто отсутствует в Гугле, значит, этого не существует? Если это заявление не метафора или рекламный слоган, то как мы можем его доказать или опровергнуть? Никак. Это вопрос веры. В Интернете нет многого и еще долго не будет. И именно в этом отношении цифровая гуманитаристика играет важную роль, оцифровывая и систематизируя культурные артефакты, созданные и сохраняемые с помощью других медиа. Множество пробелов и лакун сближает Интернет с классическими архивами. Этот отсев – не столько вопрос случайности, сколько проявление *социальной логики*, формирующей запрос на знание определенного рода в конкретных исторических и политических обстоятельствах. Мы верим, что все, однажды загруженное в Интернет, не исчезнет бесследно. И все же интернет-архив оказывается не столь уж открытым, всеобъемлющим и вечным: со сменой веб-адреса, уходом администратора сайта, развитием технологий или руинизацией ресурса исчезают истории людей и институций¹⁹. Впрочем, Уэйлс имел в виду совсем другое: быть репрезентированным, то есть занесенным в цифровые анналы, означает доказать свою нужность и полезность, сохраниться, приумножиться и остаться в истории. Если в Интернете чего-то нет, то, может быть, это никому не нужно?

Здесь стоит учитывать радикальное изменение представлений о путях получения знаний. Не секрет, что большинство современных текстов начинается с запроса в Google и пишется с помощью выданных им ответов. Поиск нужной информации в словарях и энциклопедиях всегда был отправной точкой для исследователей, но не является ли цифровой алгоритм справочной работы чем-то, не имеющим аналогов в тысячелетней истории университетского знания?

В середине 1990-х гг. Умберто Эко отмечал, что одна из основных проблем, с которой мы столкнулись в связи с переизбытком информации, – это неспособность выбирать главное, отсеивать ненужное, отделять надежный источник информации от ненадежных.

¹⁹ Институциональная история ЕГУ – хороший тому пример. Данные о минском периоде его существования (1992–2004) практически исчезли из Сети с переездом университета в Вильнюс и созданием нового веб-сайта. Белорусская история университета в изгнании обнулилась и теперь пишется поверх невидимых строк.

И потому – утверждал он – мы нуждаемся в новой форме критической компетенции, в пока еще неизвестном искусстве отбора и усвоения информации, которое он называл *искусством децимации*²⁰. С тех пор поисковые системы вышли в своем развитии на новый уровень, изменив наше представление о фильтрации информации. Но все же вопрос остается: кем отбирается и ранжируется представленная нам информация?

И почему непременно Google? Ведь еще десять лет назад его монополия на знание не была столь очевидной, а вопрос о преимуществах поисковых систем допускал альтернативные ответы. Но сегодня «гугл» – синоним самой эффективной поисковой системы и родовое имя для суммы возможностей, которые нам предоставляет Интернет. Кто же является поставщиком информации, которую мы получаем с помощью одного клика? Вопрос риторический, ибо сгенерированный машиной ответ – результат усилий всех пользователей Интернета. Но использование продуктов коллективной интеллектуальности подчинено логике товаризации знания.

Как отмечает французский экономист Ян Мулье-Бутан, Google стал символом когнитивного капитализма, поскольку предложил новую экономическую модель, основанную на контролируемом развитии коллективных интеллектуальных сетей²¹. Google функционирует как фабрика знания, аккумулирующая и коммодифицирующая его: «Вы работаете на Google. Каждую секунду 15 миллионов человек кликают и загружают свои данные в Google, словно все они работают на одну фирму, не получая за это денег. Однако то, что предлагает Google, – это не обычный сервис, а своего рода метасервис, который уподобляет информационную активность пользователей деятельности трудовых пчел»²². Эта экономика определяется интенсивностью создания ячеек сот и скоростью их заполнения. Основные поставщики контента – люди умственного труда, клик-пролетарии.

Оппоненты Мулье-Бутана, признавая факт невидимой эксплуатации и большие объемы неоплачиваемого труда, приносящего огромную прибыль владельцам платформы, предлагают увидеть в Google гигантский накопитель идей и улей интеллектуального производства, поставляющий знание миллионам пользователей. На каких условиях – другой вопрос.

²⁰ См.: U. Eco: *A Conversation on Information: An Interview* by Patrick Coppock, February 1995. Режим доступа: <http://www.cudenver.edu/~>

²¹ Требор Шольц называет эту модель «платформенным капитализмом». См.: T. Scholz: *Uberworked and Underpaid: How Workers Are Disrupting the Digital Economy*, Polity 2016.

²² Castiglioni Ch. Yann Moulier Boutang asks, “Are we all just Google’s worker bees?”. 13.11.2009. Режим доступа: <http://networkcultures.org/query/2009/11/13/yann-moulier-boutang-asks-are-we-all-just-googles-worker-bees/>.

Augmented University, или Союз идеологий и технологий

Мы публикуем перевод текста Умберто Эко «Университет и массмедиа», в основе которого лежит доклад, прочитанный Эко на конференции, посвященной тысячелетию Болонского университета²³. Вопросы, поставленные им 30 лет назад, не утратили своей значимости и даже приобрели добавочную актуальность в условиях цифрового поворота. Очевидно, отношения между университетами и медиа в условиях цифрового поворота существенно осложнились и в каком-то смысле приобрели драматический характер. Не выдерживая напора «цифры», университет претерпевает и количественные, и качественные изменения. Эта проблема включает в себя много ракурсов – от изменения практик преподавания и расширения университета благодаря различным онлайн-платформам, до той роли, которую новые технологии сыграли в усилении разрыва между университетами первого и второго мира, равно как и в утверждении менеджериализма.

Новые технологии в значительной степени изменили мнемонические и познавательные способности индивидов. А значит, университеты должны обновлять образовательную среду с учетом особенностей ментальной оснастки нового поколения студентов, цифровых аборигенов. На первый план здесь выходит проблема влияния цифровых технологий на методы и форматы преподавания. Одни преподаватели озабочены бессмысленностью соревнования с Гуглом в условиях, когда студенты воспринимают профессора в качестве еще одного открытого *окна*. Другие призывают не драматизировать, то есть не занимать позицию академических луддистов, до последнего сопротивляющихся машинам²⁴. А третьи в это время активно участвуют в создании альтернативных образовательных ресурсов, экспериментируя с новыми технологиями – от авторского блога до онлайн-курсов для широкой цифровой публики – за пределами университета. С учетом постсоветской специфики эта проблематика обсуждается в материалах дискуссии, которые мы публикуем²⁵.

От прежней академической рутины поиска информации, ведения рабочего архива, составления библиографии, организации научной коммуникации к настоящему моменту не осталось практически ничего! В исследовательских компетенциях и навыках, которые раньше нужно было усваивать в процессе длительной акаде-

²³ См.: U. Eco: The University and the Mass Media, *Yale Journal of Law and the Humanities*, 6/1 (1994). Режим доступа: <http://digitalcommons.law.yale.edu/yjlh/vol6/iss1/5>.

²⁴ M. Moss: Visualizing History: Computer Technology and the Graphic Presentation of the Past, in: *College Quarterly*, 7/1 (2004), 1–14. Режим доступа: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ852015.pdf>.

²⁵ Дигитальный вызов: будущее гуманитарных наук. Материалы дискуссии с участием преподавателей ЕГУ в рамках фестиваля *Artes Liberales* в Минске, 43–59.

мической социализации, нет нужды, коль скоро есть доступ к инструментам, автоматизирующим и оптимизирующим деятельность исследователя и преподавателя. Однако количество используемых нами инструментов невелико. Чем дальше, тем больше мы не справляемся не только с наплывом информации, но и с умножением платформ и сервисов для академической работы²⁶. Они экономят наше время и минимизируют усилия. Но время, освобожденное от многотрудного бумажного поиска информации, тут же растрачивается на электронный поиск и освоение новых технологий, а более всего – на бесконечную коммуникацию в цифровых средах²⁷.

В последние годы необычайную популярность приобрела идея *четвертой революции*. В контексте истории эпистемологических поворотов цифровой поворот представлен как четвертая революция в истории наук об обществе – после Коперника, Дарвина и Фрейда²⁸. В контексте экономических и социальных трансформаций пишут о *четвертой промышленной революции*²⁹ – цифровой утопии, образе светлого, полностью автоматизированного будущего, когда кибернетические системы будут внедрены во все сферы жизнедеятельности, а границы между физической и виртуальной реальностью исчезнут.

Между тем идея четвертой революции в образовании широко обсуждалась в связи с развитием электронных медиа еще в 1960-х годах. Автор этой идеи – британский ученый и популяризатор науки Эрик Эшби – утверждал, что в истории образования произошли четыре революции. Наступление первой он связывает с появлением публичных школ, когда функция передачи знания перешла от родителей к учителям. Вторая революция свершилась тогда, когда основным проводником знания стала письменность. Третью революцию ознаменовало изобретение книгопечатания и возросшая доступность книг для массового читателя. А четвертую революцию принесли с собой средства электронной коммуникации (радио, телевидение, звуко- и видеозаписывающие устройства и, наконец, компьютер). Прогресс в сфере образовательных

²⁶ Между тем для части преподавателей использование google.docs, google.calendar, платформ типа Asana или Moodle все еще остается областью недоступного и непонятого усложнения.

²⁷ Американская исследовательница Джоди Дин комментирует проблему тайм-менеджмента в условиях сетевой культуры следующим образом: «Электронные книги и статьи, а также сообщения в блогах по теоретическим темам – это удобные способы хранения и обмена идеями. Но эти выгоды имеют цену: мы платим своим вниманием. Легко поддаваться соблазну продолжить серфинговать, следить за ссылками, смотреть, что другие думают об этом». См.: J. Dean: *Blog Theory: Feedback and Capture in the Circuits of Drive*, Polity Press 2010, 3.

²⁸ L. Floridi: *The Fourth Revolution. How the infosphere is reshaping human reality*, Oxford: Oxford Univ. Press 2014.

²⁹ См., например: К. Шваб: *Четвертая промышленная революция*, М.: Эксмо 2016.

технологий оценивается здесь с точки зрения возрастания самостоятельности ученика и ослабления роли учителя³⁰.

Идеи Эшби легли в основу отчета Комиссии Карнеги о высшем образовании, опубликованного в 1972 году, где была озвучена смелая мечта об объединении всех информационно-образовательных ресурсов в единую национальную сеть с возможностью получения доступа к ней всеми студентами и преподавателями страны³¹. Через 20 лет мечты стали явью. Казалось бы, это должно внушать оптимизм. Сеть существует и развивается, учителя обрели больше возможностей для повышения квалификации, студенты и ученики школ занимаются самообразованием, имея доступ к Интернету. Однако этот дискурс, если обсуждать его в контексте технологических трансформаций в сфере образования, заставляет задуматься о том, каковы пределы автоматизации? Не получится ли, что вместе с исчезновением рутинного труда и не опосредованной машинами коммуникации в деятельности преподавателя, исследователя, университетского менеджера - под вопросом окажемся мы сами?

Ситуация на академическом рынке труда, сокращение количества рабочих мест и закрытие программ, интенсификация рабочего времени для тех, кому повезло с контрактами, изменения в функциональном разделении обязанностей (сегодня преподаватель сам себе секретарь, технический ассистент и машинистка в одном лице³²), развитие дистанционного образования и появление нового поколения образовательных продуктов и программного обеспечения – эти и другие реалии наводят на мысль если не об исчезновении университетов, то об их радикальном переформатировании, в результате которого останутся только ученики.

Другой эффект цифровой революции в академии, который нельзя оставить без внимания, связан с происходящей на наших глазах неолиберализацией университетов. Хорошо известно, насколько академическая карьера зависит от навыков эффективной коммуникации. Видимость и оперативность несомненно содействуют карьерной успешности (для многих постсоветских препода-

³⁰ См.: E. Ashby: Ivory Towers in Tomorrow's World, in: *Journal of Higher Education*, 38/8 (1967), 417–427. E. Ashby: *Technology and the Academics: an Essay on the Universities and Scientific Revolution*, L.: Macmillan 1958.

³¹ См.: *The Fourth Revolution: Instructional Technology in Higher Education. A Report and Recommendations by the Carnegie Commission on Higher Education*, N.Y.: McGraw-Hill 1972.

³² Мелисса Грегг ввела термин *ползучая функциональность* (*function creep*) для описания незаметного, но неуклонного возрастания обязанностей преподавателя в дигитализированной образовательной среде, что стало очевидным с переходом на образовательные онлайн-платформы типа *WebCT*, *Blackboard* и *Moodle*. Управлять ими и наполнять контентом должны сами преподаватели в дополнение к привычным формам преподавательского труда. См.: M. Gregg: *Function creep: communication technologies and anticipatory labour in the information workplace*. Режим доступа: <http://homecookedtheory.com/wp-content/uploads/functioncreepnms.doc>.

вателей и исследователей, подключившихся к сетевой культуре еще в 1990-е, этот фактор был решающим в их судьбе). Но это обстоятельство следует рассматривать в более общем контексте. Как утверждают Майкл Хардт, Антонио Негри, Паоло Вирно, Джоди Дин и другие постмарксистские теоретики, само общение стало формой капиталистического производства: «Подобно тому, как индустриальный капитализм опирался на эксплуатацию труда, коммуникативный капитализм основан на эксплуатации коммуникации»³³. Говоря о *скрытых травмах* неолиберальных университетов, Розалинд Гилл отмечает, что наше восприятие университета как «научного пространства без стен» в значительной степени обусловлено *режимом перманентной включенности*, который обеспечивается информационными и коммуникационными технологиями: «Все скоростные мобильные технологии сегодня легко сочетаются с психическим складом и склонностями неолиберального академического субъекта: проверками, мониторингом, загрузкой файлов из Британской библиотеки, также как с пляжа или кровати – всеми отчаянными потугами остаться на связи и все успевать»³⁴. Парадоксальным образом гегельянский закон перехода количественных изменений в качественные стал основой менеджералистского подхода к образованию – качество работы академиков должно быть исчислимым.

Дэн Шиллер в своей книге, посвященной развитию цифрового капитализма, отмечает, что тенденция к коммерциализации киберпространства наложилась на происходившую в конце 1980-х трансформацию сферы высшего образования, все более ориентированного на рынок труда и включение университетов в индустрию знаний. Монетизации подверглись почти все сферы академической жизни – все, что было ранее общедоступным и бесплатным, превратилось в источник прибыли. Утверждение принципов экономической рациональности в администрировании университетов выдвинуло на первый план эффективный менеджмент³⁵, а вместе

³³ Dean, op. cit., 4.

³⁴ Р. Гилл: Прервать молчание. Скрытые травмы неолиберальной академии // *Социальный компас*, 14.02.2014. Режим доступа: <http://www.socialcompas.com/2014/02/14/prervat-molchanie-skry-ty-e-travmy-neoliberal-noj-akademii/>.

³⁵ «Дискурс высшего образования теперь напоминает то, что вы можете услышать на заседании правления на карандашной фабрике № 2, на котором обсуждаются производительность, эффективность, таблицы с цифрами по отчетным показателям и тому подобные вещи» (Адам Бесси). В этом дискурсе сквозит почти религиозная вера в правильность предельно техничного, рыночного взгляда на образование, которое, как и все другие созданные человеком «предприятия», может (и должно) квантифицироваться и оцениваться численно с тем, чтобы определить наиболее рациональное решение, которое затем можно распространить на все другие сферы». См.: Н. Giroux: *Public Intellectuals Against the Neoliberal University*; in: *Truthout*, 29.10.2014. Режим доступа: <http://www.truth-out.org/news/item/19654-public-intellectuals-against-the-neoliberal-university>.

с ним – внедрение наукометрических критериев в оценку работы преподавателей и дискурс результативного обучения (пресловутые результаты, навыки и компетенции, востребованные на рынке труда).

Как отмечает Марк Фишер, успешная адаптация – одна из ключевых целей менеджериализма³⁶. С точки зрения Большого Другого (имеются в виду как университетские и министерские бюрократы, так и их главный управляющий – Рынок), работник, не способный к обучению на протяжении жизни, подлежит увольнению. В самом деле, зачем современному университету преподаватели, которые отказываются, например, от освоения функций технического ассистента в оболочке дистанционного обучения? Их неготовность выглядит одновременно и проявлением нелояльности к университетским требованиям, и свидетельством технической отсталости. Да и разве можно быть хорошим преподавателем, не совершенствуя свои технологические познания и технические навыки? Кому сегодня нужны академические луддисты, не понимающие и не принимающие преимуществ цифрового прогресса? Наконец, зачем оплачивать дополнительный секретарский труд, если это может сделать сам преподаватель? А если не может или не готов, то на это место всегда найдется другой.

Неолиберализм сделал университеты заложниками рыночной логики, а практики (само)дисциплинирования и (само)контроля проникли во все поры университетской жизни. Но без современных технологических инструментов это вряд ли было бы возможно. Как отмечает Дэн Шиллер, «Интернет катализировал последние этапы сложной цепной реакции, Сеть придала уже происходившему процессу мутации высшего образования невиданное ускорение»³⁷.

На периферии цифровой империи

Ставя перед собой задачу картирования изменений, происходящих под влиянием дигитализации, мы работаем с периферийной территорией глобальной академической сетевой культуры не только в смысле проблематики и инструментов анализа, но и в смысле эффектов неравномерного развития цифрового капитализма³⁸. Каким образом гуманитарии могут отвечать на вызовы дигитализации, если они находятся «под Сетью», но на ощутимой

³⁶ M. Fisher: *Capitalist Realism. Is There No Alternative?* Winchester, UK, Washington, USA: Zero Books 2009, 28.

³⁷ D. Schiller: *Digital Capitalism. Networking the Global Market System*, Cambridge, Massachusetts: MIT Press 2000, 144–145.

³⁸ По отношению к глобальным центрам экономической и политической власти постсоветский регион представляет емкий рынок сбыта. Но, охватывая огромную территорию и значительное число пользователей Интернета, он остается периферией, имеющей незначительные шансы на обретение технологической автономии и не являющейся полноправным конкурентом в сфере высокотехнологичного производства, не в последнюю очередь из-за языкового фактора.

дистанции от глобальных центров экономического развития и технологического влияния, а главное – в иных институциональных условиях?

Для пользователей и программистов проблема *центр-периферия* может показаться неуместной. Какая разница, где ты находишься, если даже на отдаленном хуторе или на острове в Индийском океане у тебя есть ноутбук и Интернет? Однако с точки зрения производства знания ситуация выглядит сложнее.

Существенное отставание постсоветской академии в социогуманитарных исследованиях науки, технологий и цифровой культуры заметно невооруженным глазом. Обсуждение тех проблем, что осваивались в англо-саксонской академии на протяжении последних 20 лет, в постсоветском пространстве (в первую очередь – русскоязычном) началось в 2010-е. Среди причин этого отставания – неравномерное развитие цифровой среды в различных областях университетского образования и академической науки³⁹, ригидность институциональных механизмов в постсоветских университетах, условия финансирования научной деятельности: гуманитарии могут рассчитывать на пресловутые мегагранты в последнюю очередь, а без больших денег работу с «большими данными» и исследовательский прорыв в этой области трудно представить. Необходимы инфраструктура – материальная и коммуникативная – и институциональная поддержка меж- и трансдисциплинарных проектов.

Отставание опасно тем, что изменение образовательных практик и возникновение новых исследовательских объектов происходит если не синхронно, то во всяком случае в одном скоростном режиме с развитием самих технологий. В то же время коммуникативная революция позволила постсоветским исследователям не только удержаться в профессии, но и воспользоваться множеством преимуществ, связанных с получением доступа к новейшим публикациям, базам данных, архивам. В 1990-е годы сам доступ к такого рода возможностям был условием карьерного продвижения.

Особую роль в формировании постсоветской академической культуры сыграли практики пиратства. Возможность бесплатно загрузить нужную статью, книгу, фильм важна для пользователей с низкими доходами, среди которых – многие преподаватели и исследователи из Восточной Европы. Согласно данным компании *Майкрософт*, доля нелегального программного обеспечения в Беларуси составляет 85%, в России – 64, в Литве – 51, в США – 17⁴⁰. Эти показатели свидетельствуют о степени цифрового неблаго-

³⁹ Теоретическое запаздывание постсоветских гуманитариев объясняется банально: в американских университетах Интернет, электронная почта и другие технологии стали нормой повседневной жизни уже в середине 1990-х гг., когда постсоветские гуманитарии еще только осваивали азы компьютерной грамотности.

⁴⁰ А. Мякишев: Microsoft: уровень пиратства в Беларуси выше, чем у соседей // *Хартия-97*. 18.02.2017. Режим доступа: <https://charter97.org/ru/news/2017/2/18/241327/>.

получия в постсоветских странах, а могут быть интерпретированы иначе: лидирующее положение Беларуси в рейтинге стран с самым высоким уровнем пиратства говорит о технологическом и кадровом потенциале, об уровне владения населением страны компьютерными технологиями.

При всей исследовательской работе, которая развернулась в последние годы, постсоветские исследователи, занимающиеся цифровой гуманитаристикой, остаются на периферии глобального академического производства. Их нет практически ни в одном большом международном проекте, они не входят в транснациональные исследовательские консорциумы, объединенные в рамках e-science. О производстве теории и вовсе нет смысла говорить. Западных коллег в этом сотрудничестве интересует преимущественно историческое измерение цифровой проблемы, будь то развитие советской кибернетики или *большой науки* в контексте глобального политического противостояния, но не актуальные процессы и их концептуализация.

Как отмечали участники дискуссии, посвященной критериям научной эффективности в российском контексте, в условиях жесткой научной конкуренции отставшей стороне «невозможно “догнать” передовую путем наращивания усилий на тех направлениях, на которых было допущено отставание. Вернуть себе лидирующее положение сообщество может только сосредоточив исследовательские усилия на новых, не- или малоразработанных направлениях научного поиска»⁴¹. В какой мере этот тезис релевантен для производства цифрового знания в социальных и гуманитарных науках?

Ответ на этот вопрос можно искать в текстах, публикуемых в данном номере. Обнинский цифровой проект (Галина Орлова, Александра Касаткина), в рамках которого создается исследовательская платформа для работы с качественными данными по истории большой советской науки и техники, или проект, посвященный кадровой динамике в дореволюционных университетах России (Алексей Куприянов), позволяют понять, на каком материале, с какими ресурсами и результатами осуществляется сегодня в русскоязычном пространстве реализация масштабных трансдисциплинарных проектов, затрагивающих область науки и технологий. Но главное, эти проекты дают материал к размышлению о том, в каких направлениях можно сокращать разрыв, накапливая опыт, работая с малоизученными объектами и создавая новые проблематизации.

Язык Машины, или О трудностях перевода

Читая тексты гуманитариев, занятых осмыслением медиатизированной культуры, мы не можем не обращать внимание на то,

⁴¹ И. Дмитриев: Материалы круглого стола «Критерии эффективности научных исследований: а судьи кто?» // *Мысль*, 19 (2015), 119–120.

как пользователи-исследователи справляются с последствиями цифровой интоксикации, пытаясь найти компромисс между нормами академического письма и информационным «новоязом», между языком-объектом и метаязыком, между категориями практики и теории. Для того, чтобы понять драматизм и исключительность сложившейся ситуации, потребуется небольшой исторический экскурс.

Использование латинизмов в концептуальном языке Теории – явление этимологически легитимированное и распространенное. Владение специальной терминологией выступает охранной грамотой, обеспечивающей пропуск в храм науки, и воспринимается как показатель учености, идентификационный маркер причастности к профессиональному сообществу или исследовательской традиции. Реформация, изобретение наций и растянувшееся на несколько веков вытеснение латыни на периферию образования и государственного управления привели к тому, что латынь превратилась в мертвый язык, а структурную позицию *lingua franca* заняли национальные языки «новой» Европы. Одно из последствий эмансипации национальных культур от гегемонии имперского языка христианской цивилизации – установление лингвистического водораздела между академической культурой и культурой повседневной. Неудивительно, что в бытовой коммуникации и даже в массмедиа латинизмы не приживались и отторгались из-за нарушения чистоты языка, используемого в публичной сфере.

Однако в условиях глобализации и распространения влияния цифровых технологий на все сферы социальной жизни эти границы стираются. Национальные языки, устоявшие под натиском модернизации, не в состоянии состязаться с языками программирования, дискурсом технических инструкций, волапюком геймеров и другими лингвистическими эпифеноменами компьютерной эры. Какое-то время сдерживающим фактором оставалась возможность выбора языка пользовательского интерфейса⁴². Но этот ресурс, как кажется, уже исчерпан.

В условиях всеобщей цифровой мобилизации и социализации краткость сообщения воспринимается как эталон эффективной коммуникации⁴³. Тенденция к экономии средств выражения, проявляющаяся в замене многословных конструкций аббревиатурами, эмоджиконами и инфографикой, а также к сжатию печатного текста лишь нарастает.

Вопрос, каким образом компьютерная цивилизация отразится на развитии языка и стиля письма, возник не сегодня. Умберто Эко писал, что «мы стоим на пороге нового Вавилона, ибо лингвистическая катастрофа может разразиться именно из-за злоупотребления

⁴² История изобретения национальных эквивалентов для технологических операций и устройств достойна отдельного разговора, но, к сожалению, не в рамках этой статьи.

⁴³ Это Short Message Service (SMS) в мобильной телефонии и форматы коммуникации в Twitter, Viber, Telegram.

компьютерным сленгом»⁴⁴. Однако в наши дни кибержаргон уже не воспринимается ни как птичий язык, ни как аномалия, препятствующая коммуникации, ни как аргумент субкультуры гиков. По своему положению он приближается к статусу универсального языка пользователей всего мира. Похоже, культура, на протяжении многих веков озабоченная поисками совершенного языка и восстановлением лингвистического единства, наконец нашла искомое. И этим языком стал английский, но это английский не Шекспира или Джойса, это – язык Машины. Культурные и политические аспекты доминирования английского языка оказались в тени его технологического, а точнее техно-менеджерального превосходства⁴⁵.

Использование языка Машины в академической сфере – это также вопрос о новых формах господства. Масштабы креолизации и пиджинизации локальных языков вследствие цифрового поворота свидетельствуют об эффективности новых форм колониализма⁴⁶. Двадцать лет назад Жак Аттали писал: «Какие люди, какие культуры, какие языки будут контролировать новые индустрии образования и навязывать их остальному миру? Те, кто в этом не преуспеет, просто исчезнут с карты мира»⁴⁷. Сегодня ответ на этот вопрос кажется очевидным.

В академической сфере вопрос о техно-лингвистической гегемонии английского языка связан с производством знания, а точнее – с наукометрическими показателями, по которым оценивается научная деятельность. Многоязычие в современных подсчетах эффективности не приветствуется. Если вас нет в англоязычных peer-reviewed journals, вас нет вообще. И если Россия, обладая финансовыми и человеческими ресурсами, предприняла попытку создать систему подсчета индекса цитируемости для российских авторов, чтобы частично компенсировать нехватку их видимости⁴⁸, то что делать таким небольшим странам, как Беларусь или Литва? Коль скоро английский является языком новых медиа, в какой мере тексты, публикуемые на других языках, могут быть увиденными в

⁴⁴ Персонажи нового Вавилона общаются между собой энигматичными и лаконичными формулами: dir, help, discopy, error 67, cu18r и др. «И это можно считать грамотностью? – вопрошает Эко. И тут же отвечает: – FIG 7». См.: U. Eco: *Conversazione a Babilonia*, in: U. Eco: *Il secondo diario minimo*, Milano: Bompiani 1992, 55–56.

⁴⁵ См.: D. Golumbia: *The Cultural Logic of Computation*, Harvard University Press, 2009.

⁴⁶ Впрочем, некоторые исследователи полагают, что доминирование английского языка в глобальном цифровом контексте не только ограничено, но и носит временный характер. См.: E. Bosah: *Cyberimperialism? Global Relations in the New Electronic Frontier*, Westport, CT: Praeger 2001, 37–38.

⁴⁷ J. Attali: *School the Day After Tomorrow*, in: *New Perspectives Quarterly*, 14/2 (1997), 24.

⁴⁸ См.: В. Болотов, Н. Квелидзе-Кузнецова, В. Лаптев, С. Морозова: Индекс Хирша в российском индексе научного цитирования // *Вопросы образования*, 1 (2014), 241–262.

цифровом академическом мире, где сама система поиска выталкивает многоязычие на периферию научно-технического прогресса?

Осталось сформулировать вопрос о «трудностях перевода». С проблемами (не)переводимости технической терминологии на русский язык сталкиваются почти все исследователи новых медиа и цифровой культуры. Если раньше перевод текстов по социогуманитарной проблематике требовал знания языка и теоретической традиции, а переводом технических текстов занимались специалисты узкого профиля, сегодня каждый гуманитарий, работающий с англоязычными текстами по проблематике цифровой культуры и медиатехнологий, поневоле оказывается в роли спецпереводчика, который должен понимать, о каких технологических деталях идет речь в тексте.

Размывание представлений о границах допустимого вторжения иностранных слов в родной язык привело к тому, что большинство терминов заимствуется с минимальной грамматической поправкой на его нормы («шеринг», «расшаривание»). Составление словаря иностранных слов в современных условиях возможно только в режиме онлайн с возможностью постоянного обновления и редактирования, ибо реальность изменяется быстрее, чем ее успевают осмыслить специалисты⁴⁹. Впрочем, не исключено, что поколению цифровых аборигенов такой словарь вовсе не нужен. Они и так знают, что такое *лайфхаки* или *спойлеры*. Использование терминологических калек сегодня сопряжено с поиском корректных грамматических и синтаксических конструкций, в которых эти термины не выглядели бы слишком чужеродно. В результате амфиболии, анаколуфы и прочие эрративы, которыми изобилуют сетевые тексты, по сути превратились чуть ли не в новую языковую норму, адептами и защитниками которой выступают блогеры⁵⁰.

На протяжении многих лет перевод и толкование иностранных терминов оценивались как введение в научный обиход новой терминологии, одна из форм исследовательской работы. Но сегодня и формулировка, и функция почти утратили свой смысл. Зачем спорить о том, как правильнее перевести на русский язык *диджитал*, *капта*, *чат*, *морфинг*, *мультимедиа*, *нейминг*, *тег*, *б/влоггинг*, *контент*, *кэширование*, *софт*, *сторителлинг*, *интерфейс*, если в процессе перевода можно утратить значение концептов, которые уже вошли в бытовую и научный обиход? К тому же, в условиях постоянного совершенствования машинного перевода вопрос о переводе как творческой деятельности и одной из составляющих научной работы стремительно утрачивает свою актуальность. Так стоит ли

⁴⁹ Впрочем, носители английского как родного языка не меньше нас озабочены проблемой интервенции цифровых технологий, создавая специальные пособия по новой стилистике и словари цифрового английского языка, *Remedial English*. См.: *Wired Style: Principles of English Usage in the Digital Age*, Broadway 1999.

⁵⁰ См.: Г. Гусейнов: Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // *Говорим по-русски*, Март 2005. Режим доступа: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.

тратить на него время, если всегда можно воспользоваться сервисами онлайн перевода? И все же мы продолжаем выполнять работу перевода, развивая и расширяя аналитический аппарат русскоязычных цифровых исследований, свидетельство чему – переводы, включенные в этот номер.

Медиализируя знание, HESP-эффeкт

Завершая свой текст, публикуемый на правах предисловия, мне хотелось бы упомянуть о коллективном проекте «От знания медиа к медиализации знания» (2014–2015), в рамках которого возникла идея подготовки тематического номера «Топоса». Проект был инициирован преподавателями Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва) и осуществлялся на протяжении двух лет при поддержке Higher Education Support Program Института «Открытое общество»⁵¹.

Проект был ориентирован на приведение накопленного нами знания о медиа в действие. А потому среди его результатов можно обнаружить не только привычные академикам семинары⁵², но и разработанные участниками *веб-ресурсы* (сайт Лаборатории исследований визуальной культуры и современного искусства (проект Альмиры Усмановой, Алеся Потапенко и Натальи Ненарокомовой), кроссуниверситетскую платформу для документации образовательного и исследовательского контента в области городских исследований, проводимых в ЕГУ и НИУ ВШЭ (проект Оксаны Запорожец, Екатерины Лапиной-Кратасюк, Сергея Любимова, Дмитрия Бойченко); *экспериментальный визуальный контент университетских курсов* (проект Андрея Горных, Инны Гладышевой, Александра Тананы⁵³); *новые и обновленные учебные курсы* (Юлия Мартинавичене, Виктория Константюк и др.), *фестиваль Artes Liberales*, проводимый в Минске (кураторы Альмира Усманова, Павел Нехаев, Ольга Салахеева, Наталья Ненарокомова, Кирилл Колбасников) и ставший экспериментальной площадкой для предметного разговора и действия в отношении медиа, данных, темпоральности

⁵¹ Проект завершал десятилетний цикл семинаров по проблематике визуальных и культурных исследований, исследований новых медиа и медиализации знания. Результатом их осуществления стало создание нескольких междисциплинарных сетей на постсоветском пространстве и формирование нового поколения университетских преподавателей, работающих на переднем крае современного социогуманитарного знания и активно вовлеченных в исследования. Подробнее см. на сайте Лаборатории исследований визуальной культуры и современного искусства, также созданном при поддержке HESP. Режим доступа: <http://www.viscultstudies.org/hesp>.

⁵² Семинар *Going Digital: the Forms and Formats of the Medialization of Knowledge Inside and Outside of the Academia* состоялся в мае 2015 года, а *Digital epistemology for non-digital born academy: visualization, zoom and curation* – в декабре 2015 в Вильнюсе.

⁵³ См., например, визуальный концепт *Attraction*. Режим доступа: <http://www.viscultstudies.org/attraction-concept>.

и опыта⁵⁴; *выставку-исследование* «Критическая сборка: люди и атомы», созданную на основе оцифрованных и цифровых эмпирических данных конкретного исследовательского проекта (кураторы Галина Орлова, Наталья Ненарокова, дизайнеры Екатерина Сотникова и Лидия Сергей, куратор саундскейпа Андрей Возьянов, кураторы данных Александра Касаткина, Егор Шевелев, Александра Иванова и др.)⁵⁵. Из этой перспективы разговор о *e-эффектах*, затеянный нами на страницах «Топоса», следует рассматривать в контексте широко прочитываемого интереса участников проекта к медийной и цифровой прагматике.

Пользуясь случаем, мы с коллегами хотели бы выразить свою признательность программе регионального сотрудничества ReSET (Regional Seminar for Excellence in Teaching), благодаря которой постсоветские историки, философы, социологи, экономисты, культурологи получили долгосрочную возможность участвовать в исследовательских семинарах и воркшопах, летних школах и инкубаторах проектов по самой актуальной социогуманитарной тематике в период с 2003 по 2014 гг. Программа была нацелена на создание структурных условий для развития партнерских сетей между исследователями и их университетами, на сближение исследований с преподаванием, на освоение новых методов преподавания и развитие новых образовательных программ, что в значительной степени способствовало институциональному развитию междисциплинарных исследований в постсоветских университетах и произвело серию положительных HESP-эффектов.

---

⁵⁴ См. сайт проекта. Режим доступа: www.artes-liberales.by.

⁵⁵ См. страницу выставки. Режим доступа: <http://www.viscultstudies.org/critical-assemblage>.